КРАТКОЕ

ОПИСАНІЕ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ПРЕПОДОБНАГО

МАКСИМА ГРЕКА.

СОСТАВИЛЪ

священникъ **А. Синайскій.**

Въ 1-мъ изданіи книга учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущена въ библіотеки духовныхъ семинарій.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, № 40.
1902.

Изъ книгъ Графа С.Д. Шереметева.

N. Ш.К. CCIVП. 3/86

КРАТКОЕ

ОПИСАНІЕ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ПРЕПОДОБНАГО

МАКСИМА ГРЕКА.

СОСТАВИЛЪ

священникъ А. Синайскій.

Въ 1-мъ изданіи книга учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущена въ библіотеки духовныхъ семинарій.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, № 40.
1902.

Проф 38

DK
107

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 23 января 1902 года.

Старшій цензоръ, Архимандритъ *Антонинъ*.

494
37

Преп. Максимъ Грекъ-святогорецъ въ своей жизни и дѣятельности представляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи русскаго общества XVI в., какъ времени продолжительнаго броженія, колебанія и борьбы новыхъ религіозно-церковныхъ понятій и иноземныхъ вліяній съ господствовавшимъ невѣжествомъ и назрѣвшею потребностью въ очищеніи застарѣлыхъ недостатковъ, умственныхъ и нравственныхъ. Въ лицѣ преп. Максима Грека, съ одной стороны, слышится идеальный свѣтлый голосъ самоотверженнаго дѣятеля и невиннаго страдальца-мученика, а съ другой—обнаруживается полная слабость единичныхъ силъ для скораго и плодотворнаго воздѣйствія на установившійся вѣками складъ понятій русскаго общества; въ лицѣ преп. Максима Грека можно, далѣе, видѣть выраженіе и завершеніе того греко-византійскаго вліянія на Русь, какое она воспринимала въ предшествовавшее время чрезъ живыя отношенія и сношенія съ греками и усвоеніе ихъ книжнаго богатства. Имѣя въ виду жизнь и литературно-церковные труды преп. Максима Грека, можно сказать, что онъ былъ самый видный и идеальный на Руси представитель греко-православнаго просвѣщенія, безкорыстный и скромный, но въ то же время и самый несчастливый, если можно считать несчастіемъ великодушно-перенесенныя и невинныя страданія за правду и убѣжденія, долженствующія вполнѣ и достойно вознаградиться въ будущей жизни отъ всеправеднаго и нелице-

пріятнаго Судіи. Главное и неоспоримое значеніе преп. Максима Грека, съ церковно-исторической точки зрѣнія, состоитъ въ томъ, что онъ *первый* рѣшительно и внушительно показалъ то, какъ далеко стояла Русь въ своей жизни отъ истиннаго христіанскаго идеала, одностороннимъ и неправильнымъ осуществленіемъ котораго она довольствовалась и даже гордилась. Съ этой именно стороны заслуги преп. Максима Грека представляются и признаются незамѣнимыми; потому что онъ описалъ русское общество во время своего, довольно продолжительнаго времени, такъ характерно и вѣрно, какъ нельзя лучше и представить его на основаніи остальныхъ достовѣрныхъ источниковъ, всѣхъ въ совокупности взятыхъ. Въ сочиненіяхъ преп. Максима Грека не только усматриваются недостатки и особенности русскаго общества, но и находятся объясненія нѣкоторыхъ весьма важныхъ фактовъ и явленій, возникшихъ и развившихся впослѣдствіи на почвѣ указанной наблюдательности преп. святогорца (какъ наприм. обрядовое направленіе русскихъ XVI в., изъ каковаго направленія, какъ одного изъ главныхъ факторовъ, образовался расколъ старообрядства въ XVII в.). При оцѣнкѣ сочиненій преп. Максима Грека нужно имѣть въ виду еще и то, что авторъ ихъ былъ лишенъ свободы, находился въ заточеніи, слѣдовательно составлялъ (большинство) ихъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Личность и заслуги преп. Максима Грека, достаточно оцѣненныя въ ученой литературѣ, побуждаютъ ожидать бо́льшаго вниманія къ нему со стороны ученаго потомства, чѣмъ какое оказано преп. Максиму до настоящаго времени. Современное состояніе науки русской церковной исторіи и научныя строгія требованія уже не удовлетворяются тѣмъ, что написано о преп. Максимѣ Грекѣ, начиная отъ 1822 г. до 1860 г., когда

были изданы сочиненія Максима при казанской академіи. Объ изданіи сочиненій преп. Максима нужно сказать, что оно не полно; многія догматико-полемическія сочиненія преп. Максима, написанныя на книжномъ славяно-русскомъ языкѣ по греко-латинской конструкціи, оставлены безъ перевода на русскую рѣчь, отчего они, по справедливому замѣчанію м. Макарія (истор. р. церкви, т. VII, стр. 303—4) весьма затруднительны для пониманія: къ изданію не приложено ни біографіи Максима Грека, ни характеристики его литературныхъ трудовъ *);

*) Свѣдѣнія, замѣтки, статьи и изслѣдованія о преп Максимѣ Грекѣ находятся у слѣдующихъ ученыхъ: въ „Журн. м н. просвѣщ.“ 1834 г., въ „Москвитян“ 1842 г; у М Е. Болховитинова (Слов историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, ч. II, стр. 26—41), у архіеп Филарета Гумилевскаго (Истор р церкви, т. III, стр 142—48); Сказаніе князя Курбскаго стр 5. 35—36, 37, 107, 263—273; преніе Даніила, митрополита Московскаго и всея Руси, съ инокомъ Максимомъ-святогорцемъ (Москва, 1847), у м. Макар. Бучакова (Истор. р. церкви т. VII, стр 265—309); у проф. Ив Порфирьева (Ист рус. словес., ч. 1, стр. 509—535), у Ив. Соколова (еп. Сергія) —Отношеніе протестанства къ Россіи въ XVI—XVII вв., стр 53—57), у прот А. В Горскаго (Приб къ Тв св. отцевъ, т. 2, кн. 2, 1859 г.): у проф. Иконникова (кіев. унив. изв 1865 г.); у С Соловьева (т. V, стр. 379, 84); въ Христіан. Чт 1862 г. (статья проф. Ив Нильскаго: преп Максимъ Грекъ, какъ проповѣдникъ просвѣщенія на Руси въ XVI в.), у Ив. Преображенскаго (О нравственномъ состояніи русскаго общества XVI в по сочиненіямъ преп. Максима Грека и современнымъ ему памятникомъ, Москва, 1880 г), въ Труд. кіев. академіи 1864 г, I—II кн.); у В. Жмакина (М. Даніилъ и его сочиненія, Спб., 1881 г.); въ сборникѣ десяти чтеній по русской литературѣ (Москва, 1895 г.), въ соч. А. Колосова (рукопись), преп. Максимъ Грекъ. Его жизнь и труды (Богосл. Вѣст, 1896 г., февр.); въ соч Д. Тарунтаева о догматич. сочин. Максима Грека (Христ. Чт., 1896 г., № 2—3). Изъ перечисленныхъ сочиненій о преп. Максимѣ Грекѣ выдаются своими достоинствами изслѣдованія проф. А. В. Горскаго—Максимъ Грекъ святогорецъ (Приб. къ теор. св. отц., 1859 г., ч XVIII, стр 144—192) и проф. Иконникова—Максимъ Грекъ (Кіевъ, 1866 г.); означенныя изслѣдованія отличаются полнотою, безпристрастіемъ и правильностью, жаль, что изслѣдованіе проф. Горскаго почему-то не окончено; оно прервано на самомъ важномъ періодѣ просвѣтительной дѣятельности преп. отца въ Россіи; къ особенностямъ изслѣдованія проф. Иконникова нужно отнести стремленіе автора указать на сродство многихъ суевѣрныхъ заблужденій русскаго общества XVI в. съ общечеловѣческими, находящими для себя объясненіе въ невѣжествѣ,

біографіи преп. Максима Грека въ настоящее время не имѣется въ продажѣ.

мистицизмѣ и взаимномъ вліяніи (вслѣдствіе сношеній націй) народныхъ массъ. Особенною ясностью, живостью изложенія и общедоступностью отличается позднѣйшая по времени компилятивнаго характера статья Ф. Нелидова о преп. Максимѣ, вошедшая въ указанный выше сборникъ чтеній по русской литературѣ.

Недавно, въ 1898 году, появилась краткая характеристика преп. Максима Грека, принадлежащая извѣстному ученому, академику А. Н. Пыпину (въ его исторіи русской литературы, II т, 120—148 стр.). Характеристика составлена на основаніи соч. преп. отца (изд. при Каз. д. академіи), и извѣстныхъ ученыхъ изслѣдованій о преп. М. Грекѣ съ полнымъ безпристрастіемъ, въ общедоступномъ легкомъ изложеніи и въ сочувственномъ тонѣ къ несчастной судьбѣ и великимъ заслугамъ для Руси идеальнаго пришельца-грека. Раздѣляя и повторяя всѣ лучшіе отзывы ученыхъ о преп. Максимѣ Грекѣ, какъ видномъ представителѣ тогдашняго европейскаго образованія, г. Пыпинъ считаетъ его приверженцемъ традиціоннаго міровоззрѣнія, т. е схоластическаго и односторонняго, а не научнаго, въ которомъ (т. е. въ послѣднемъ) наука освобождалась въ то время (эпоха „Возрожденія“ гуманизма) отъ служебнаго положенія теологіи и открывала для себя безграничный просторъ изысканій о природѣ и человѣкѣ; говорится это со стороны достопочтеннаго ученаго не въ упрекъ знаменитому проповѣднику и защитнику просвѣщенія на Руси, а для характеристики преп отца, какъ духовнаго писателя, съ чѣмъ нельзя не согласиться.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ПРЕПОДОБНАГО

МАКСИМА ГРЕКА *).

Жизнь преп. Максима Грека не отличается обиліемъ и разнообразіемъ событій и внѣшнихъ обстоятельствъ; она состояла изъ серьезнаго первоначальнаго образованія, подвиговъ иночества и книжной просвѣтительной дѣятельности въ Россіи XVI ст., сопровождавшейся продолжительными, тяжелыми, равняющимися съ мученичествомъ, страданіями. Жизнь преп. Максима Грека существеннымъ образомъ и рѣзко раздѣляется на два періода: первый продолжается до прибытія его въ Москву, въ 1518 г.; второй состоялъ въ дѣятельности преп. отца въ Россіи до самой смерти, 1556 г.

---

*) Предлагаемое краткое описаніе жизни и дѣяній преп. Максима Грека вызвано отсутствіемъ въ продажѣ житія преп. отца, обнаруживающемъ въ насъ, русскихъ, невниманіе и неблагодарность къ трудамъ и памяти знаменитаго книжнаго дѣятеля, поборника и проповѣдника просвѣщенія русскаго общества XVI в. Описаніе составлено на основаніи трудовъ о преп. Максимѣ преосв. митр. Евгенія, Филарета, Макарія, проф. Горскаго, Порфирьева и др. „Журн. министер народн. просвѣщ." (1834) и „Москвит." (1842 г.), гдѣ помѣщены свѣдѣнія о преп. Максимѣ, въ настоящее время почти не доступны для пріобрѣтенія и пользованія.

I.

Преп. Максимъ, по происхожденію своему, былъ грекъ (изъ Албаніи); нарицательное имя это обратилось въ собственное, въ прозваніе. Родившись въ 1480 г. (приблизительно вѣрно) отъ знатныхъ, богатыхъ и благочестивыхъ православныхъ родителей, Максимъ, послѣ ранняго домашняго воспитанія, основательное, схоластико-богословское и филологическое образованіе получилъ въ Италіи, которая въ XV—XVI вв. была центромъ умственнаго движенія съ XIII ст., благодаря сосредоточенію книжныхъ сокровищъ и покровительству тогдашнему просвѣщенію со стороны папъ и свѣтскихъ правителей. Здѣсь, въ Италіи (во Флоренціи, Венеціи, въ Феррарѣ) преп. Максимъ познакомился съ главными представителями тогдашняго просвѣщенія (І. Ласкарисомъ, А. Маннуччи и др.) и тѣми произведеніями греческой и римской литературы, которыя, въ то время, любители изучали до увлеченія, въ ущербъ христіанскому изученію догматовъ, слабому и одностороннему, ошибочному, схоластическому. Неразумное увлеченіе языческою литературою сопровождалось вредными слѣдствіями. отразившимися въ наукѣ и жизни: въ первой господствовало противорелигіозное, раціонально-отрицательное направленіе, во второй—распущенность и легкость нравовъ и поведенія. Вмѣсто св. Писанія и отцевъ церкви, руководителями и высшими авторитетами при изслѣдованіи и разсужденіяхъ сдѣлались греческіе философы: Платонъ и Аристотель; съ взглядами и способами мышленія ихъ ученые стремились сообразовать, примирить и доказать догматы христіанской вѣры, положенія практическаго здраваго смысла и исторіи; христіанскимъ вѣрованіямъ придавалось меньше значенія въ сравненіи

съ языческими суевѣріями. Одновременно съ языческими заблужденіями всей Европы XV—XVI вв. была распространена вѣра въ астрологію, состоявшую въ признаніи зависимости судьбы и дѣйствій человѣка отъ теченія звѣздъ и небесныхъ планетъ (свѣтилъ). Слѣдуя астрологіи, преподававшейся даже въ высшихъ училищахъ наравнѣ съ другими науками, начали вѣрить, будто бы все въ мірѣ и судьбы человѣка управляются и направляются отъ движенія и вліянія звѣздъ,—а нѣкоторые стали отвергать будущую жизнь, не только подвергали сомнѣнію истины вѣры, но и издѣвались надъ ними.

Живя въ Италіи, преп. Максимъ ко всему прислушивался, все изучалъ съ жадностью и даже увлеченіемъ. Разсказывая въ одномъ изъ своихъ сочиненій о своемъ увлеченіи въ Италіи древнею языческою философіею, Максимъ отмѣчаетъ слѣдующее: „если-бы Богъ, пекущійся о спасеніи всѣхъ, не посѣтилъ меня благодатію своею и не озарилъ мою мысль своимъ свѣтомъ, то давно бы я погибъ съ бывшими тамъ послѣдователями нечестія“. Для ослабленія увлеченія языческими понятіями и суевѣріями выступилъ во второй половинѣ XV в. католическій монахъ (пріоръ) Іеронимъ Савонаролла († 1498 г.), бывшій въ то время духовникомъ и проповѣдникомъ, а послѣ настоятелемъ доминиканскаго монастыря св. Марка въ г. Флоренціи. Пораженный и возмущенный невѣріемъ и упадкомъ нравственности жителей Флоренціи, І. Савонаролла съ такою убѣдительностью и успѣхомъ обличалъ гражданъ, что они совершенно искренно и глубоко сознали свои заблужденія и пороки и раскаялись въ нихъ; подобно ниневитянамъ при прор. Іонѣ, жители г. Флоренціи начали вести жизнь серьезную, скромную, покаянную. Но не всѣмъ это понравилось: рѣзкія обличенія знатныхъ, сильныхъ и бо-

гатыхъ Медичисовъ и особенно намеки на злоупотребленія папъ были причиною того, что Савонароллу обвинили въ церковныхъ и гражданскихъ преступленіяхъ, за которыя, какъ еретикъ и политическій бунтовщикъ, былъ сожженъ. Максимъ зналъ Савонароллу, слушалъ его проповѣди, удивлялся его твердости, его вѣрѣ и убѣжденіямъ; вообще личность итальянскаго проповѣдника произвела глубокое и неотразимое впечатлѣніе на преп. Максима, на его настроеніе и характеръ; впослѣдствіи въ преп. Максимѣ замѣтна таже ревность по Богѣ и смѣлость въ обличеніи пороковъ, какимъ онъ удивлялся въ І. Савонароллѣ, выставляя послѣдняго какъ идеалъ, которому нужно подражать во многомъ, несмотря на его иновславное вѣроисповѣданіе.

Кромѣ Италіи, Максимъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, посѣтилъ, для довершенія своего образованія и Францію, гдѣ учился философіи у славнаго Іоанна Ласкариса, въ Парижѣ. Изъ одного сочиненія преп. Максима усматривается, что въ Парижѣ, безъ всякой платы, преподается всѣмъ любителямъ богословское и философское ученіе, что наставники тамъ получаютъ отъ щедротъ государя обильное содержаніе, что тамъ процвѣтаютъ всѣ науки, не только наше благочестивое богословіе и священная философія, но и всякія знанія, относящіяся ко внѣшнему образованію.

Пребывая довольно долго времени въ странахъ романо-римскихъ, при господствѣ въ то время латинскаго языка, какъ языка литературнаго (между учеными) и дипломатическаго, преп. Максимъ долженъ былъ познакомиться и съ языкомъ латинскимъ. Вообще хорошее филологическое образованіе послужило преп. Максиму впослѣдствіи въ пользу при его многочисленныхъ переводахъ съ греческаго, отличающихся строгою отчетливостію и при провѣркѣ чужихъ переводовъ; оно открыло

ему способъ скоро усматривать характеристическія черты писателя: оно познакомило его съ началами здравой критики и помогало ему легко отличать подлинное отъ подложнаго въ древнихъ писаніяхъ.

Какъ ни ширико и основательно было полученное преп. Максимомъ образованіе, однако онъ вознамѣрился постоянно усовершать и продолжать его чрезъ изученіе чисто христіанскаго богословія на своей родной православной странѣ. Почувствовавъ жажду къ просвѣщенію и ознакомившись со средствами къ ея удовлетворенію, преп. Максимъ искалъ и нашолъ мѣсто, удобное для умственнаго усовершенствованія во всѣхъ отношеніяхъ. По своей склонности къ иноческой жизни такое мѣсто преп. Максимъ нашелъ въ обители на Аѳонѣ. Максимъ прибылъ на Аѳонскую гору около 1507 г., гдѣ и поступилъ въ благовѣщенскій Ватопедскій монастырь въ званіи инока; монастырь этотъ хранилъ богатое собраніе всевозможныхъ книгъ, особенно по части богословія и святоотеческой письменности. Въ трудахъ послушанія, въ подвигахъ иноческой жизни и ученыхъ занятіяхъ преп. Максимъ провелъ на Аѳонѣ около 10-ти лѣтъ Въ это время, т. е. въ 1517 г., пришло на Аѳонъ неожиданно приглашеніе отъ русскаго великаго князя Василія Ивановича о присылкѣ въ Москву книжнаго переводчика для разбора и описанія княжеской библіотеки въ Москвѣ. Монашеская братія и избрала преп. Максима, какъ вполнѣ надежнаго книжника.

II.

Хотя Максимъ Грекъ былъ призванъ въ Россію для приведенія въ порядокъ княжеской библіотеки и для перевода греческихъ книгъ на славянскій языкъ въ удовлетвореніе явившейся потребности (въ борьбѣ съ

еретиками, вольнодумцами, въ цѣляхъ любознательности и просвѣщенія) однако, по особенно сложившимся обстоятельствамъ, дѣятельность его приняла самые широкіе размѣры. Преп. Максимъ сдѣлался не только переводчикомъ книгъ, но и распространителемъ просвѣщенія и здраваго пониманія вѣры и благочестія, не только исправителемъ ошибокъ въ богослужебныхъ книгахъ, но и исправителемъ и обличителемъ нравовъ русскаго общества XVI в. Всѣ недостатки, образовшіеся въ русской жизни отъ домашняго неустройства и разныхъ иноземныхъ вліяній, подверглись въ его сочиненіяхъ самому строгому разбору.

По прибытіи въ Москву въ 1518 г., преп. Максимъ былъ принятъ весьма радушно великимъ княземъ. Ему назначено было жить въ Чудовѣ монастырѣ и получать содержаніе отъ княжескаго двора; ласково принялъ преп. Максима и митрополитъ московскій (Варлаамъ), любившій и поощрявшій просвѣщеніе, но больше – благолѣпіе храмовъ божіихъ, человѣкъ благонамѣренный и благородный, принимавшій къ свѣдѣнію и исполненію добрые совѣты для улучшенія церковныхъ нуждъ и дѣлъ.

Прибытіе въ Россію такого образованнаго человѣка, какъ Максимъ Грекъ, было, какъ нельзя болѣе, необходимо. Въ XVI в. со всею силою начали обнаруживаться гибельные плоды того невѣжества, въ которомъ такъ долго оставался русскій народъ: въ священныя и богослужебныя книги вкрались грубыя ошибки, извращавшія чистоту истинной вѣры; несущественные церковные обряды были возведены на степень догматической важности, и вообще все благочестіе получило чисто внѣшній обрядовой характеръ; ложныя апокрифическія сказанія считались наравнѣ съ книгами св. Писанія; во всѣхъ сословіяхъ страшно усилились суевѣрія и упадокъ нравственности.

Послѣ разбора великокняжеской библіотеки, преп. Максиму поручено было перевести съ греческаго на русскій языкъ „толкованіе на псалтирь“, какъ книгу, наиболѣе любимую, распространенную между тогдашними грамотными русскими и наиболѣе употребительную въ богослуженіи церковномъ и домашнемъ. Въ библіотекѣ великаго князя нашлось полное сводное толкованіе на псалтирь, состоявшее изъ объясненій древнѣйшихъ церковныхъ писателей II—VII в. Такъ какъ преп. Максимъ Грекъ еще не зналъ славяно-русскаго, особенно церковно-славянскаго языка, то къ нему были назначены два переводчика, знавшіе латинскій языкъ для того, чтобы они передавали и писали на церковно-славянскомъ языкѣ то, что слышали отъ переводчика (съ греческаго) на латинскомъ; два переводчика были изъ толмачей, служившихъ при дѣлахъ по сношенію русскихъ съ иностранцами; въ распоряженіе переводчика дали двухъ писцовъ. Нужно было употребить 1½ года неусыпнаго труда, чтобы совершить этотъ двойной переводъ огромной книги, сперва съ греческаго на латинскій, а потомъ съ латинскаго языка на церковно-славянскій. Хотя переводъ сдѣланъ удовлетворительно и понравился русскимъ, однако же преп. Максимъ Грекъ не отрицалъ того, что въ переводѣ могутъ найтись, отъ недосмотра и недоразумѣнія, и ошибки, допущенныя имъ по незнанію церковно-славянскаго языка. Неточности, дѣйствительно, были. Такъ, вмѣсто: „сѣдѣ одесную Бога Отца“, написано было: „сѣдѣлъ еси“, какъ о мимошедшемъ событіи, не постоянномъ пребываніи Сына съ Отцемъ, а временномъ; вмѣсто: „безстрашно божество“, въ одномъ переводѣ употреблено было: „нестрашно божество“.

Окончивши переводъ толковой псалтири, преп. Максимъ хотѣлъ было и желалъ возвратиться на ро-

дину, но, по просьбѣ великаго князя, остался для продолженія переводовъ и исправленія другихъ богослужебныхъ книгъ. Максимъ началъ исправлять: Тріодь, бесѣды Св. І. Златоуста на евангелистовъ Іоанна, Матѳея, толкованія на Дѣянія апостольскія и другія книги; 9 лѣтъ продолжалась дѣятельность его, состоявшая въ сличеніи славяно-русскихъ книгъ съ подлиннымъ греческимъ и древне-славянскимъ текстомъ; на встрѣченныя имъ многочисленныя и грубыя ошибки онъ указывалъ, по прямотѣ своего характера, прямо и рѣзко. Такъ, по указанію преп. отца, въ книги вошли, вслѣдствіе ошибокъ и невѣжества, еретическія мысли, состоявшія, между прочимъ, въ признаніи въ Іисусѣ Христѣ одного человѣческаго естества (ересь монофизитовъ) и причисленіи Его къ созданнымъ существамъ (ересь аріанства); Богъ-Отецъ называется собезматернымъ Сыну; плоть Іисуса Христа называли неописуемою, тогда какъ неописуемо только божество, божественная природа и образъ соединенія ея съ природою человѣческою. Это возбудило ропотъ въ приверженцахъ старины и буквы. Послѣдніе заявляли, что по древне-письменнымъ книгамъ спасались русскіе святые и что Максимъ Грекъ портитъ только своими поправками священныя книги. Когда же преп. Максимъ сталъ укорять рьяныхъ, противорѣчившихъ ему приверженцевъ старины и доказывалъ, что въ Россію вошли переводы даже многихъ еретическихъ книгъ, одну изъ которыхъ (о вочеловѣченіи Христовѣ) русскіе, по своему невѣжеству, читали и уважали, то подозрѣніе, недовольство и ропотъ распространились между многими. Нужно сказать и то, что при несовершенномъ знаніи славянскаго языка, Максимъ и самъ допустилъ нѣкоторыя ошибки. Далѣе, преп. Максимъ возбудилъ противъ себя московскаго митрополита Даніила (человѣка хотя и книжнаго въ узкомъ

смыслѣ, но корыстнаго, тщеславнаго) тѣмъ, что отказался отъ исполненія желанія его (т. е. приказанія) перевести на славянскій языкъ церковную исторію блаж. Θеодорита, епископа кирскаго, оправдываясь тѣмъ, что многимъ переводъ послужитъ на соблазнъ и претыканіе, такъ какъ въ означенной исторіи находятся посланія еретиковъ—Арія, Македонія и др. неправомыслящихъ, хулившихъ св. вѣру и церковь; но оправданіе это не уважено было. Завидовавшіе близости и довѣрію къ Максиму со стороны великаго князя нерасположены были къ Максиму за то, что первый часто поступалъ въ своихъ рѣшеніяхъ по дѣламъ церковнымъ по совѣту преп. Максима. Скоро, впрочемъ, расположеніе великаго князя къ Максиму обратилось въ недовѣріе и немилость послѣ того, какъ преп. Максимъ, вмѣстѣ съ инокомъ Вассіаномъ-Косымъ и немногими др., не одобрилъ намѣренія и незаконнаго желанія великаго князя (Василія Ивановача, въ 1524 г.) развестись съ своею женою, по причинѣ ея бездѣтства, и вступить во второй бракъ съ другою. Нерасположеніе князя къ невинному греку старались усилить и оправдать присоединеніемъ обвиненія противъ Максима политическаго свойства. Дѣло въ томъ, что къ преп. Максиму Греку, какъ къ человѣку образованному и благочестивому, многіе приходили для бесѣдъ и за совѣтами въ дѣлахъ семейныхъ, церковныхъ и т. п.; но между ними были люди опальные и недовольные правительствомъ; это бросало на Максима тѣнь подозрѣнія, которую враги его старались сгустить, представляя Максима какъ бы главою недовольныхъ заговорщиковъ. Если взять во вниманіе строгое отношеніе преп. Максима Грека къ разнымъ недостаткамъ русскаго общества въ области религіозно-церковной, нравственной и общежитейской, не исключая и односторонне-ложнаго обрядоваго направленія жизни русскаго

монашества, то станетъ ясно, почему преп. отецъ такъ скоро и несправедливо подвергся подозрѣнію и осужденію со стороны церковно-гражданскаго правительства; особенно враждебно относились къ нему монахи богатыхъ монастырей, которыхъ преп. Максимъ обличалъ въ незаконности и наклонности къ пріобрѣтенію вотчинныхъ имѣній, отвлекавшихъ монаховъ отъ прямыхъ своихъ обѣтовъ и обязанностей. Сначала преп. Максимъ былъ обвиненъ въ томъ, что находился въ сношеніяхъ съ бывшимъ въ то время въ Москвѣ турецкимъ посломъ (Скиндеромъ) и съ нѣкоторыми опальными боярами, осуждавшими дѣйствія великаго князя и митрополита Даніила; но эти обвиненія на судѣ оказались не достаточными для осужденія. Тогда были представлены допущенныя имъ при исправленіи книгъ ошибки; на основаніи указанныхъ ошибокъ и неточностей, которымъ придали большее значеніе, чѣмъ какъ они заслуживали, преп. Максима на соборѣ 1525 г. обвинили въ намѣренной порчѣ священныхъ книгъ, и, чтобы исправить еретика и развратителя, заточили въ Волоколамскій монастырь (москов. губ.), гдѣ онъ, находясь около 9 лѣтъ въ темницѣ въ оковахъ, доходилъ отъ дыма, смрада, побоевъ, сырости, холода и голода до помраченія ума и смертельныхъ припадковъ; ему запрещено было предаваться умственнымъ занятіямъ, т. е. книжнымъ трудамъ и приступать къ причащенію св. Евхаристіи,— каковое бездѣйствіе и лишеніе окончательно дѣлало положеніе невиннаго страдальца невыносимымъ. Къ этому времени относится составленіе преп. Максимомъ воспѣваемаго до нынѣ канона Св. Духу-Утѣшителю, написаннаго преп. отцемъ углемъ на стѣнахъ монастырской темницы.

Въ 1531 г., преп. Максима снова потребовали на судъ въ Москву. Возобновленіе суда надъ преп. Ма-

ксимомъ съ цѣлію обвиненія вызывалось тѣмъ, чтобы заставить замолчать тѣхъ, кто защищалъ Максима и обвинялъ митрополита Даніила, а такихъ было не мало; да и самъ Максимъ не признавалъ себя ни въ чемъ виновнымъ, когда монахи увѣщевали его покаяться. Съ цѣлію оправдать себя въ жестокомъ отношеніи и обращеніи съ несчастнымъ Грекомъ, безжалостные судьи съ митрополитомъ Даніиломъ во главѣ, выбрали изъ исправленныхъ книгъ преп. Максима все, что можно было выставить противъ него. Какъ ни оправдывался униженный преп. отецъ въ немногихъ ошибкахъ—то незнаніемъ церковно-славянскаго языка, то описками неискусныхъ переписчиковъ (т. е. невѣжественныхъ), какъ ни унижался онъ предъ судьями, прося прощенія во имя христіанской любви и испытанныхъ уже страданій, Максима осудили, оставивши подъ церковнымъ запрещеніемъ; но не малымъ облегченіемъ для преп. отца было перемѣщеніе его изъ прежняго мѣста озлобленія въ г. Тверь, въ Отрочь монастырь, подъ надзоръ добродушнаго епископа Акакія, который милостиво принялъ и приглашалъ его къ себѣ для бесѣды и трапезы; особенно радостно было для преп. Максима то, что ему позволялось читать книги и писать, чѣмъ онъ и вполнѣ воспользовался ко благу себѣ и другимъ. Добраго расположенія еп. Акакія преп. Максимъ лишился впослѣдствіи, когда, въ 1537 г., строгій и справедливый отецъ высказалъ правду объ Акакіи по случаю пожара, истребившаго построенный епископомъ великолѣпный въ Твери храмъ, поставивъ происхожденіе несчастія въ причинную связь съ отсутствіемъ надлежащаго благочестія жителей, не исключая и епископа.

По смерти в. князя Василія Ивановича (1534 г.), преп. Максимъ рѣшился публично оправдаться во введенныхъ на него обвиненіяхъ. Составленное имъ „испо-

вѣданія вѣры“—вполнѣ православное и искреннее; далѣе онъ доказалъ, что еретическими и несообразными словами и оборотами наполнены не тѣ книги, какія имъ исправлены, а тѣ, которыя противники и недоброжелатели его считали за святыню. Оправдываясь въ направленныхъ противъ него и тяготѣвшихъ надъ нимъ обвиненіяхъ и говоря о своей безкорыстной и благотворной дѣятельности для Россіи, нуждавшейся въ духовномъ просвѣщеніи, преп. Максимъ Грекъ умолялъ русское правительство отпустить его на Аѳонъ, какъ мѣсто надлежащаго его служенія и подвиговъ, представляя и то, что компетентный и окончательный судъ надъ нимъ принадлежалъ греческому патріарху. Но участь преп. отца не измѣнилась; крамольные бояре, окружавшіе тогда молодаго царя (Ивана IV Грознаго) и управлявшіе Россіею среди взаимной вражды и соперничества, были глухи къ мольбамъ и слезамъ греческаго узника. Жертвою происходившихъ придворныхъ смутъ палъ личный врагъ Максима митрополитъ Даніилъ, сосланный въ заточеніе; въ желаніи примиренія съ своимъ уже падшимъ безсильнымъ врагомъ преп. отецъ обнаружилъ благородство своей души и характера. Узнавши, что митроп. Даніилъ питаетъ къ нему прежнее нерасположеніе, преп. Максимъ именемъ Небеснаго Отца просилъ оставить вражду и съ глубокимъ смиреніемъ говорилъ о своей невинности; Даніилъ не отвѣчалъ. Въ написанныхъ къ митроп. Іоасафу (преемнику митроп. Даніила) и нѣкоторымъ боярамъ посланіяхъ объ исправленіи книгъ замѣтна прежняя свобода мысли и искренность. По благословенію митроп. Іоасафа (1541 г.), преп. Максимъ могъ пріобщаться Св. Таинъ и ходить въ церковь.

Невнимательнымъ оказался къ положенію Максима и самъ уже возмужалый царь, когда въ 1545 г. про-

сили за освобожденіе преп. Максима на родину восточные патріархи по просьбѣ самого Максима Грека. „Человѣкъ онъ разумный, увѣдалъ наше доброе и лихое, и когда пойдетъ изъ Россіи, то все разскажетъ“, говорилъ по этому случаю бояринъ Берсень. Въ удовлетвореніе просьбы Троице-Сергіевскаго игумена Артемія и нѣкоторыхъ бояръ, царь согласился въ 1551 г. на переводъ преп. Максима изъ Твери въ лавру преп. Сергія.

Въ это время у преп. Максима Грека отъ тяжести темничной жизни тѣло было уже немощно, но духъ еще оставался настолько бодрымъ и яснымъ, что по просьбѣ ученика своего, бывшаго князя Курлятева, перевелъ съ греческаго псалтирь. Преп. Максимъ дожилъ до глубокой старости (70 л.). По словамъ архіеп. Филарета (Гумилевскаго), описавшаго жизнь и дѣятельность преп. Максима, духъ его, очищенный отъ скорбей и страданій, сталъ видѣть теперь далеко. Въ 1553 г., царь Іоаннъ IV посѣтилъ келью св. старца, слушалъ наставленіе его и объявилъ ему о своемъ намѣреніи совершить путешествіе въ Кириллобѣлозерскую обитель, въ благодарность за исцѣленіе отъ болѣзни. Старецъ сказалъ: „обѣтъ твой, царь, не согласенъ съ здравымъ разсужденіемъ. Вдовы и сироты убитыхъ подъ Казанью льютъ слезы, ожидая твоей помощи; собери ихъ подъ царственный кровъ твой, и тогда всѣ святые будутъ радоваться о тебѣ и помолятся за тебя. Богъ и святые слышатъ насъ по доброму изволенію нашему“. Царь не хотѣлъ отмѣнять своего намѣренія. И св. старецъ просилъ вельможей сказать отъ него царю: „если не послушаешь меня, который совѣтуетъ тебѣ по волѣ Божіей,—пренебрежешь кровію убитыхъ поганными: то знай—сынъ твой умретъ. Царь не послушался, и пророчество святаго исполнилось. Въ слѣдующемъ году царь приглашалъ преп. Максима на соборъ для обви-

ненія и осужденія Матвѣя Бакшина и др. въ еретичествѣ (состоявшемъ въ отверженіи божества Іисуса Христа, обрядовый стороны религіи и пропагандѣ ученія среди народа). Преп. Максимъ отказался, ссылаясь на свою дряхлость; но царь усмотрѣлъ (и не безъ основанія) въ этомъ нѣчто другое. „Мнѣ захотѣлось послать за тобою“, писалъ царь, „дабы ты былъ поборникомъ православія, по примѣру первыхъ богоносныхъ отцевъ, да пріимутъ и тебя небесныя обители, какъ древнихъ ревнителей благочестія, имена которыхъ извѣстны тебѣ. Итакъ, будь сотрудникомъ ихъ, умножь данный тебѣ Богомъ талантъ, пришли отзывъ на нынѣшніе нечестіе Слышно, что ты оскорбляешься и думаешь, что мы посылали для того, что будто причисляемъ тебя къ общинникамъ Матвѣя. Нѣтъ,—вѣрнаго не считаемъ мы съ невѣрнымъ. Оставь всякое сомнѣніе и по данному тебѣ таланту пришли намъ отвѣтъ на сіе посланіе“.

Въ 1556 г., преп. Максимъ Грекъ, послѣ пятидесятилѣтнихъ трудовъ и страданій скончался. Въ концѣ XVII в. имя преп. Максима писали въ святцахъ; память его празднуется 21 января,—хотя достовѣрно неизвѣстно ни мѣсяца, ни числа смерти его, равнымъ образомъ какъ неизвѣстно время канонизаціи его; на основаніи достовѣрныхъ данныхъ канонизація преп. Максима, т. е. признаніе и причисленіе его церковью къ сонму святыхъ угодниковъ, совершилась по истеченіи 100 лѣтъ со времени его кончины (1556 г.).

Гробница преп. Максима находится въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, между Успенскимъ и Троицкимъ соборомъ, въ особой названной по имени преподобнаго отца Максимовской палаткѣ, пристроенной къ сѣверной стѣнѣ Свято-Духовской церкви по распоряженію митрополита Платона въ 1796 г. Надгробіе преп. Максима Грека находится въ настоящее время въ юго-западномъ углу

палатки, а вся она составляетъ монастырскую лавку для продажи иконъ, крестовъ и другихъ священныхъ предметовъ. Тысячи поклонниковъ останавливаются у гробницы преп. Максима; но большинству изъ нихъ неизвѣстно, какой достойный, необычный и достопамятный подвижникъ сокрытъ подъ бренными останками земнаго праха.

Въ продолженіе всей своей жизни въ Россіи, преп. Максимъ Грекъ, какъ до заточенія, такъ и въ заточеніи и послѣ, написалъ много сочиненій по всѣмъ частямъ христіанской науки — содержанія догматическаго, истолковательнаго, полемическаго, нравоучительнаго, филологическаго, церковно - археологическаго, историческаго и т. п. Во всѣхъ сочиненіяхъ преп. Максима находится много интереснаго и поучительнаго; въ посланіяхъ къ лицамъ разнаго званія и положенія заключаются достовѣрныя и важныя свѣдѣнія о современныхъ ему въ Россіи предразсудкахъ и порокахъ во всѣхъ классахъ общества. При христіанскомъ смиреніи, преп. отецъ строго вооружается противъ внѣшняго обрядоваго благочестія, противорѣчившаго вольности и распущенности нравовъ, равно какъ и грубости и жестокости во взаимныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Въ настоящее время сочиненія преп. Максима Грека изданы въ трехъ томахъ, куда, впрочемъ, не всѣ вошли его труды; читать ихъ не легко, особенно сочиненія полемико-догматическаго содержанія. Хорошо было бы, еслибъ труды преп. отца, писанные на устарѣломъ древне-церковномъ славянорусскомъ языкѣ, переведены были на современный русскій языкъ.

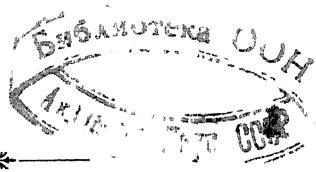
Въ XVI в. сочиненія преп. Максима были въ большомъ употребленіи, вошедши въ разные сборники и въ монастырскія библіотеки; уваженіе къ нимъ прости-

ралось до того, что ихъ жертвовали въ церкви на поминъ объ усопшихъ *). Обличенія преп. Максима побудили церковную власть, съ царемъ Іоанномъ IV во главѣ, созвать извѣстный „Стоглавый соборъ“ въ 1551 г. для изысканія мѣропріятій къ водворенію порядковъ въ виду упадка просвѣщенія и полнаго разстройства церковной жизни русскихъ XVI в. Въ постановленіяхъ собора 1551 г. констатировано и формулировано то, на что у преп. Максима были или прямыя указанія, или намеки. Если члены Стоглаваго собора не упоминали имени преп. Максима, тогда еще живаго и опальнаго, то въ разсужденіяхъ о нуждахъ или запросахъ церкви они проникались и руководствовались совѣтами и взглядами преп. отца, разсѣянными въ трудахъ его. Излюбленные вопросы преп. Максима объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, о порокахъ духовенства и монашества, о печальномъ положеніи низшаго класса рабовъ и сиротъ были предметами обсужденія и заботъ на Стоглавомъ соборѣ. Послѣдователи русскаго раскола старообрядства въ XVII—XVIII вв. ссылались на преп. Максима Грека для подтвержденія своихъ мнѣній; хотя ссылки ихъ были неудачны въ вопросахъ о формѣ перстосложенія для изображенія крестнаго знаменія (двуперстнаго), сугубаго аллилуіа и др., но самое обращеніе ихъ ко взгляду преп. Максима Грека свидѣтельствуетъ объ авторитетѣ преп. отца, какъ святаго мужа, книжнаго и правильнаго, древне-русскаго свидѣтеля и защитника старины.

Вообще нужно признать большое значеніе за дѣятельностью преп. Максима Грека, какъ проповѣдника, обличителя и исправителя недостатковъ русскаго общества XVI в. Главное значеніе его состояло въ томъ, что онъ, не смотря на чужеземное происхожденіе и

*) Иконниковъ. Преп. Максимъ Грекъ. Кіевъ, 1866 г. 336—7.

чрезвычайно трудные, исключительные обстоятельства пребыванія на Руси, создалъ направленіе, впослѣдствіи расширившееся и яснѣе опредѣлившееся, стремившееся къ просвѣщенію для устроеній внѣшней и внутренней церковной жизни сообразно христіанскому закону, узкое и внѣшнее пониманіе и выраженіе котораго закрывало и задерживало многія идеальныя стороны христіанства при сознаніи въ то же время самодовольства и превосходства у русскихъ предъ другими народами, сосѣдними и отдаленными, христіанскими и нехристіанскими.

Библиотека ООН
СССР